

СИЛУЭТЫ
ТЕАТРАЛЬНОГО
ПРОШЛОГО

И. А. Всеволожской
и его время

Вадим Гаевский

**Силуэты театрального прошлого.
И. А. Всеволожской и его время**

Издательство «Кучково поле»

2016

УДК 93/94
ББК 63.3(2)6-7

Гаевский В. М.

Силуэты театрального прошлого. И. А. Всеволожской и его время /
В. М. Гаевский — Издательство «Кучково поле», 2016

ISBN 978-5-9950-0579-7

Книга посвящена особому периоду в жизни русского театра (1880–1890-е), названному золотым веком императорских театров. Именно в это время их директором был назначен И. А. Всеволожской, ставший инициатором грандиозных преобразований. В издании впервые публикуются воспоминания В. П. Погожева, помощника Всеволожского в должности управляющего театральной конторой в Петербурге. Погожев описывает театральную жизнь с разных сторон, но особое внимание в воспоминаниях уделено многим значимым персонажам конца XIX века. Начав с министра двора графа Воронцова-Дашкова и перебрав все персонажи, расположившиеся на иерархической лестнице русского императорского театра, Погожев рисует картину сложных взаимоотношений власти и искусства, остро напоминающую о сегодняшнем дне. В книгу также включены статьи современных авторов, одна посвящена эпохе Александра III, а вторая – И. А. Всеволожскому и его времени. Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся историей России и отечественного театра.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)6-7

ISBN 978-5-9950-0579-7

© Гаевский В. М., 2016

© Издательство «Кучково поле», 2016

Содержание

Ольга Барковец. Император Александр III. Партитура власти	7
Увертюра	8
Акт 1. «Мы призваны утверждать и охранять»	11
Акт 2. Смена декораций – контрреформы	14
Акт 3. «У России только два верных союзника...»	16
Акт 4. Кто против...	18
Акт 5. «Главный дирижер». Штрихи к портрету	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Вадим Гаевский, Владимир
Погожев, Ольга Барковец
Силуэты театрального прошлого.
И. А. Всеволожской и его время**

Ольга Барковец. Император Александр III. Партитура власти

Тринадцать лет царствования тринадцатого русского императора Александра III стали самыми благополучными в многовековой отечественной истории. Развитие экономики, усмирение революционного экстремизма, стабилизация рубля – за короткий срок Россия вошла в число мировых лидеров, а население испытало неведомое прежде чувство порядка и покоя.

Все годы царствования Александра III Россия не знала страшного слова «война». «Царь-миротворец», как его прозвали в народе, сумел одним из первых политиков понять и убедить соседей в том, что мирное решение споров между державами – наиболее рациональный и разумный способ ведения дипломатических отношений. Впервые в русской истории авторитет России в международных делах поддерживался не штыками, а взвешенной внешней политикой. Годы правления Александра III связаны с расцветом русской национальной культуры, искусства, музыки, литературы и театра.

И при этом ни одному монарху России в советской историографии не досталось так много унижительных эпитетов, как Александру III: «царь-самодур», «реакционер», «солдафон на престоле»... Сам император был готов к таким оценкам еще при жизни. «Пусть меня ругают и после моей смерти еще будут ругать, но, может быть, наступит тот день, наконец, когда и добром помянут...» – писал Александр III своему наставнику К. П. Победоносцеву¹.

---

¹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 302.

Увертюра

Будущий император родился в эпоху расцвета царствования своего деда, императора Николая I. Отец, великий князь и наследник престола Александр Николаевич, имел первенца-сына великого князя Николая Александровича. Александр Александрович был вторым сыном, то есть третьим в наследовании престола, и никто всерьез даже не рассматривал его шансы занять российский трон. Круг будущих обязанностей был обозначен довольно скромно. Ему было уготовано быть правой рукой императора, которым после смерти деда Николая I и отца Александра II стал бы старший брат, наследник русского престола цесаревич и великий князь Николай Александрович. Никса, как его звали в семье, искренне любил младшего брата и видел в нем его лучшие качества: «В нас всех есть что-то лисье, Александр один вполне правилен душой»². Многие преподаватели отмечали у Александра «практические направления способностей», «светлый и здоровый» ум, не поддающийся «теоретическим умствованиям», интуитивную хватку. Профессор Ф. Г. Тернер, обучавший двадцатилетнего Александра политэкономии, писал: «...уже и в эти молодые годы в нем проявились те черты характера, которые впоследствии выступили у него с еще большей ясностью. Чрезвычайно скромный и даже недоверчивый к себе, государь наследник проявлял, несмотря на то, замечательную твердость в отстаивании раз сложившихся у него убеждений и мнений. Он всегда спокойно выслушивал все объяснения, не вдаваясь в подробное возражение против тех данных, с которыми он не соглашался, но под конец просто и довольно категорически высказывал свое мнение»³.

Эти качества, проявленные еще в детстве, станут основными чертами характера будущего императора Александра III: наложенные на политические убеждения, которые возникнут потом, по мере взросления и приобретения опыта государственной деятельности во время царствования отца, они определяют дальнейший вектор развития страны и стиль правления тринадцатого императора России.

Неожиданная смерть цесаревича Николая Александровича в 1865 году полностью изменяла жизнь Александра. «Я лишился брата, друга, и что всего ужаснее, это наследство, которое он мне передал», – записал он в своем дневнике 12 апреля 1866 года⁴. От цесаревича Николая он получил не только невесту, датскую принцессу Дагмар, но и трон, что и было для него «всего ужаснее». Он совершенно не был готов к такому повороту событий. Разрываясь «между долгом и страстью» – он был в то время отчаянно влюблен в фрейлину императрицы княжну М. Э. Мещерскую, – после жесткого разговора с отцом императором Александром II новый цесаревич сделал свой выбор. Александр Александрович подчинился родительской воле и, как он писал год спустя, «остановился на самой пропасти, не попадая в нее, как следовало, и чем я горжусь и счастлив»⁵.

Новый цесаревич стал постепенно погружаться в политическую и государственную жизнь страны. «При твоей неопытности в делах и малом знании людей и тех скрытых пружин, которые большею частью заставляют действовать на этом свете, тебе должно быть вдвойне осторожнее, не относительно меня, перед которым обязанность твоя говорить вещи, как ты их понимаешь, даже когда ты и ошибаешься, но относительно тебя окружающих и в особенности

---

² Цит. по: Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 2. С. 42.

³ Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 49.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 677. Оп. 1. Д. 299. Л. 27.

⁵ Франк Б. Из неизданной переписки императора Александра III и Николая II с В. П. Мещерским // Современные записки. 1940. Т. 70. С. 179.

тогда, когда тебе уже известно, что дело мною решено, может быть, и вопреки твоего собственного мнения», – наставлял сына в письме от 9 августа 1868 года Александр II⁶.

После возвращения с Русско-турецкой войны 1877–1878 годов цесаревич Александр Александрович, командовавший Рушукским отрядом, постепенно начал приобретать все больший политический вес. «Гатчиной последнего столетия» назвал П. А. Валуев тогдашний Аничков дворец, в котором вокруг цесаревича объединялись консервативные силы⁷.

Император Александр II с грустью вынужден был признать, что либеральные реформы не привели Россию к желаемому благоденствию: среди крестьянства не утихали смутные слухи о грядущем «черном переделе»; все громче заявляла о себе либерально-земская оппозиция, ширились студенческие беспорядки; из Третьего отделения поступали тревожные сведения о революционных террористических группах, готовящих покушения на самого царя. Тем не менее Либерально-прогрессивная партия, возглавляемая младшим братом императора великим князем Константином Николаевичем, военным министром Д. А. Милютиным и председателем Комитета министров П. А. Валуевым, настаивала на продолжении реформ. Они были убеждены, что только проводимое сверху – с царского престола – преобразование феодальной России в современное европейское капиталистическое государство способно сохранить сам институт монархии, избежать революционных потрясений и вывести страну из экономического тупика.

Цесаревич Александр Александрович настаивал на ином варианте решения внутривнутриполитического кризиса в России – на установлении временной диктатуры ответственного перед императором лица, который будет всеми средствами бороться с нарастающим революционным движением. Вокруг такого диктатора смогли бы, по мысли цесаревича, консолидироваться все здоровые монархические и патриотические силы. Одним из лидеров Консервативной партии стал бывший наставник цесаревича, обер-прокурор Священного синода Константин Петрович Победоносцев. Острый публицист, прекрасно владеющий пером, Победоносцев в своих статьях пламенно выступал против введения в России даже минимальных начал парламентаризма. Мнение Победоносцева тогда еще являлось для цесаревича одним из самых авторитетных, и он охотно прислушивался к советам учителя.

Пока Александр II пребывал в сомнениях о выборе дальнейшей стратегии, а его консервативные оппоненты в кулуарах осуждали нерешительность императора, реальные противники самодержавия предприняли невиданную ранее атаку на существующую политическую систему. Страну захлестнула волна политических преступлений. Террор становился основным средством революционной борьбы, а политическое убийство – обыденной реальностью российской жизни. До этого Россия знала многочисленные дворцовые перевороты, жертвой убийц пали императоры Иоанн VI, Петр III и Павел I, но впервые целью покушения ставилась не попытка изменить династический порядок, а некая абстрактная политическая идея «социальной справедливости». Россия замерла в состоянии напряженного беспокойства, страха и неуверенности в завтрашнем дне. «Полиция, сознавая свою беспомощность, теряла голову; государственный аппарат действовал лишь рефлекторно; общество чувствовало это, жаждало новой организации власти, ожидало спасителя», – писал в те дни из Петербурга французский дипломат виконт де Вогюэ⁸.

На чрезвычайном совещании у императора, которое состоялось в феврале 1880 года, цесаревич Александр Александрович предложил давно вынашиваемый им «самый решительный и необыкновенный путь»⁹ – создание Верховной следственной комиссии с особыми рас-

---

⁶ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 98 об. – 99.

⁷ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. С. 268.

⁸ Цит. по: *Толмачев В. П.* Александр II и его время. М., 1998. Т. 2. С. 222.

⁹ ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 131.

ширенными полномочиями. «Милый Па... – написал Александр отцу в этот же день, – ты приказал всем присутствовавшим сообразить и представить свои соображения. Смело могу сказать, что они ничего не сообразят и ничего путного не представят. К сожалению, мы это видели за все последние годы, потому что зло все больше и сильнее распространяется повсюду и никакие предложения не принесли пользы... Нужны новые люди, свежие силы... Время слишком серьезное, слишком страшное, чтобы не принимать самых энергичных мер, а не то будет поздно и правительству уже не справиться с крамолой. Убедительно прошу тебя, милый Па, подумай об этом, и я уверен, что ты согласишься окончательно на это предложение. Я так уверен, что другого исхода нет и быть не может»¹⁰. Отец был вынужден впервые согласиться с предложением сына. Указом Александра II была учреждена Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия с широкими репрессивными полномочиями. Председателем комиссии был назначен генерал-адъютант граф М. Т. Лорис-Меликов, наделенный практически диктаторскими полномочиями. Для наведения порядка в стране он мог принимать любые меры, которые считал необходимыми, имел право отдавать приказы любому должностному лицу государства, самолично определяя степень ответственности и меру взыскания за неудовлетворительное исполнение его распоряжений.

Но Лорис-Меликов уже не мог остановить волну террористического насилия... 1 марта 1881 года, после шести неудачных покушений, император Александр II был убит. В тот же день Исполнительный комитет «Народной воли» выпустил прокламацию. «Напоминаем Александру III, что всякий насильователь Воли народа есть народный враг... и тиран», – говорилось в напечатанной на гектографе листовке¹¹.

---

¹⁰ ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 131–132 об.

¹¹ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 519. Л. 24.

Акт 1. «Мы призваны утверждать и охранять»

Вся отечественная история – свидетельство того, как велико сопротивление различных слоев общества любым переменам в жизни государства. Политический маятник, раскачивавшийся от консерватизма к либерализму, не останавливался все XIX столетие. Консерваторы считали реформы Александра II отходом от основных принципов самодержавия, революционеры называли его преобразования «бутафорскими». 1 марта 1881 года стало днем, когда этот маятник остановился. Новый император Александр III сделал ключевой вывод: к таким коренным преобразованиям Россия еще не готова, нужны другие решения, которые позволят, «не расшатывая лодку», вытащить Россию из политического и экономического кризиса. Он пошел другим путем, выбрав в качестве ключевого инструмента в управлении империей жесткий подход к любым попыткам дестабилизации общества, искоренение различных либеральных идей и революционных течений¹².

Александр III стал императором в 36 лет, до этого 16 лет пробыв наследником престола, готовым, по словам отца императора Александра II, «заступить его в любую минуту». Он взошел на трон уже зрелым человеком с устоявшимися политическими взглядами и нравственными принципами. Для него роль самодержавного царя в России была ясна и понятна. Отныне он – главный «драматург» и главный «дирижер» империи, и в репертуаре его народного «театра» будет только та «музыка», которую он выберет. Ему достался в наследство огромный «оркестр», плохо сыгранный и расстроенный плохим управлением. Теперь он решает, кто будет среди «первых скрипок». Он сам будет писать «партитуру» своей власти, и она будет твердой и решительной, без колебаний и сомнений. Преисполненный чувством долга, Александр III взял в свои руки «дирижерскую палочку».

Лейтмотив его «партитуры» был заявлен в манифесте от 29 апреля 1881 года, в котором монарх недвусмысленно и грозно заявил: «Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления, в уповании на Божий Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народа Нашего от всяких на него поползновений». Верноподданные призывались к искоренению «гнусной крамолы, позорящей землю русскую», к водворению на ней порядка и правды, к утверждению нравственности, к доброму воспитанию детей. С первых недель царствования главной задачей было «исправить ошибки прошлого», чтобы «упрочить будущее»¹³.

Знаменитая триада «самодержавие, православие, народность», сформулированная в 1832 году министром народного просвещения С. С. Уваровым во времена царствования Николая I, осталась неизменной. Более того, она усиливалась национальным смыслом и духом. В манифесте Россия была названа не Российской империей, а «землею Русской», что указывало на историческую наследственную связь монарха с ее историей, традициями, культурой. Эта связь будет пронизывать все царствование Александра III, начиная от внешнего облика монарха¹⁴ до формирования нового направления в архитектуре последней четверти XIX – начала XX века – «русского стиля».

Александр III вступил на престол убежденным противником любых либерально-демократических преобразований. Разочарование в реформах 1860-х годов; глубокая и искренняя религиозность, усвоенная Александром от матери императрицы Марии Александровны; несомненное влияние К. П. Победоносцева; знакомство и духовная близость с И. С. Аксаковым и славянофилами – эти и многие другие причины привели наследника престола к некоему

---

¹² Барковец О., Крылов-Толстикович А. Александр III – царь-миротворец. СПб., 2007.

¹³ Правительственный вестник. 1881. № 93. С. 1.

¹⁴ Александр III носил бороду, которую отрастил еще во время Русско-турецкой войны.

романтическому консерватизму, убежденности в исключительности «русской идеи», в наличии особого национального пути России в истории мировой цивилизации. Романтическим этот вид консерватизма являлся уже потому, что он не основывался на каких-либо глубоких философских размышлениях или конкретных идеологических выкладках. Для его реализации следовало, согласно рекомендациям К. П. Победоносцева, придерживаться традиционных православных обычаев и «отличать добро от зла и правду от неправды в людях и делах человеческих»¹⁵.

Кроме того, романтическая разновидность консерватизма не требовала от цесаревича немедленных конкретных действий, являясь в то время лишь любимой темой душевных разговоров с людьми из ближайшего окружения в Аничковом дворце. Но с годами, с нарастанием политического и экономического кризиса в России, Александр Александрович перерос в консерватора практического, вся сущность которого протестовала против поспешных действий, неоправданных иллюзий, политического прожектерства: процесс укрепления государственности должен был, по его мнению, проходить без резких скачков и ненужной ломки традиционного уклада жизни всего русского общества. «Убежденный сторонник здоровой, национальной политики, поклонник дисциплины, настроенный к тому же весьма скептически, государь вступил на престол предков, готовый к борьбе», – писал великий князь Александр Михайлович¹⁶.

Реальные политические события и требования государственного управления заставили Александра III всегда оставаться «себе на уме», определяясь с новым политическим курсом, преодолевать влияние как либеральных, так и крайне консервативных кругов высшей петербургской бюрократии. Все меньший вес теперь для него имели мнения вчерашних авторитетов. Даже отношения с К. П. Победоносцевым принимали принципиально иной характер: отныне императора и обер-прокурора Синода связывала общность взглядов на положение в стране, ощущение опасности, подстерегавшей государство. Их переписка приобрела характер деловых контактов союзников по общей борьбе. Они были единодушны в оценке того, что «вся тайна русского порядка и преуспеваний – наверху, в лице верховной власти»¹⁷. К. П. Победоносцев неоднократно заверял молодого императора в полном бескорыстии, отсутствии честолюбивых претензий на награды и чины. Но Александр научился неплохо разбираться в людях: в душе «смирненного христианина» он разглядел затаенную гордыню. Впрочем, император не только легко прощал своему союзнику эту человеческую слабость, но и спокойно игнорировал советы обер-прокурора, как только они вступали в противоречие с его собственными интересами. Например, Александра III всегда мало интересовало мнение К. П. Победоносцева о человеке, в талантах которого он лично был убежден. В доверительной беседе с министром финансов С. Ю. Витте император предупреждал, чтобы тот не поддавался влиянию обер-прокурора Синода. «Победоносцев человек очень ученый, хороший, бывший его профессор, но что, тем не менее, из долголетнего опыта он [Александр III] убедился, что Победоносцев отличный критик, но сам никогда ничего создать не может. С этой точки зрения в смутное время Победоносцев принес много пользы тем, что помог временно остановить смуту 1881 года и дать России опомниться, но что все-таки одной критикой жить нельзя, а надо идти вперед, надо создавать, а вот в этом отношении К. П. Победоносцев и другие лица его же направления более не могут принести пользы... и во всяком случае, – сказал император, – я уже давно перестал принимать во внимание их советы»¹⁸.

К великому огорчению К. П. Победоносцева, финансово-экономическую политику правительства Александра III всегда определяли сильные профессионалы, предпочитавшие

---

¹⁵ Письма К. П. Победоносцева к Александру III: в 2 т. М.; Пг., 1923. Т. 2. С. 142.

¹⁶ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 53.

¹⁷ Письма К. П. Победоносцева... Т. 1. С. 54.

¹⁸ *Bumte С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. М., 1960. Т. 1. С. 368–369.

дистанцироваться от консервативных лидеров. «Главный дирижер» империи понимал, что основную партию в его «оркестре» должны играть «первые скрипки». Министр финансов Н. Х. Бунге, известный своими демократическими высказываниями; министр путей сообщений князь М. И. Хилков; С. Ю. Витте, сменивший, благодаря своим способностям и умению императора разбираться в людях, место скромного чиновника управления Юго-Западных железных дорог на министерское кресло; разработчик финансовых реформ профессор И. А. Вышнеградский – все они отнюдь не пользовались симпатиями обер-прокурора Синода.

Но Александра III вполне устраивал такой порядок вещей. Исповедуя вечный принцип «разделяй и властвуй», самодержавная монархия во все времена была готова жертвовать любой, даже самой верноподданнической доктриной ради собственного существования. Однако способных, профессионально подготовленных, а главное, порядочных, честных людей, готовых самоотверженно служить государству, оказалось не так уж много. Зачастую, когда сановник по каким-либо причинам не устраивал императора, расставание с ним было недолгим. Когда однажды чрезмерно честолюбивый министр вздумал угрожать отставкой, Александр III заметил: «Когда я захочу вас выбросить, вы услышите от меня об этом в очень определенных выражениях»¹⁹.

27 апреля 1881 года он написал в письме брату великому князю Владимиру Александровичу: «Я давно об этом думал, но многие отсоветовали, и министры все обещали мне своими действиями заменить манифест, но так как я не могу добиться никаких решительных действий от них – а, между прочим, шатание умов продолжается все более и более и многие ждут чего-то необыкновенного, – то я решился обратиться к К. П. Победоносцеву составить мне проект манифеста, в котором бы высказано было ясно, какое направление делам желаю я дать и что никогда не допущу ограничение самодержавной власти, которую нахожу нужной и полезной России!»²⁰

Общество, смертельно уставшее от террористов, революционной агитации, напуганное взрывами, политическими убийствами, испытывавшее неуверенность в завтрашнем дне и разочарованное в слабой верховной власти, с воодушевлением встретило заявление нового монарха. Россия истосковалась по твердой руке, способной обуздать смуту и шатание. Об этом говорили и в столичных либеральных собраниях, и в провинциальных помещичьих усадьбах. Народ, по обыкновению, безмолвствовал, доверяя царю-батюшке свою судьбу. «Сама жизнь вступила в роль охранителя, и инстинкт самосохранения заговорил почти везде громче всяких писателей, либеральных и консервативных», – писал в «Гражданине» еще один старый приятель и соратник царя князь В. П. Мещерский²¹.

---

¹⁹ Цит. по: Александр Михайлович, великий князь... С. 144.

²⁰ ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 378. Л. 105 – 105 об.

²¹ Гражданин. 1884. № 1. С. 3.

Акт 2. Смена декораций – контрреформы

В сентябре 1881 года Александр III утвердил «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», вводившее чрезвычайные меры на территориях, объявленных на «исключительном положении». Местные генерал-губернаторы получали особые полномочия: в их власти теперь было без объяснения причин закрывать общественные и частные собрания, промышленные предприятия. Уголовные дела по желанию генерал-губернаторов или министра внутренних дел передавались военному суду, действовавшему по законам военного времени. Полицейские власти в любое время дня и ночи могли производить обыски, арестовывать подозрительных лиц сроком до двух недель без предъявления обвинения. «Положение», с переменным успехом, действовало до 1917 года²².

Одним из первых практических шагов нового правительства по предотвращению «брожения умов» и прекращению либеральной пропаганды стало усиление цензуры. «Опыт показывает, – писал К. П. Победоносцев, – что самые ничтожные люди – какой-нибудь бывший ростовщик, жид-фактор, газетный разносчик, участник банды червонных валетов, разорившийся содержатель рулетки – могут основать газету, привлечь талантливых сотрудников и пустить свое издание на рынок в качестве органа общественного мнения. Нельзя положиться и на здоровый вкус публики. В массе читателей – большей частью праздных – господствуют, наряду с некоторыми добрыми, жалкие и низкие инстинкты праздного развлечения, и любой издатель может привлечь к себе массы расчетом на удовлетворение именно таких инстинктов, на охоту к скандалам и пряностям всякого рода...»²³ Приведенные Победоносцевым доводы показались Александру III убедительными, и несколько изданий, в числе которых оказались популярные «Голос», «Страна», «Порядок», «Молва», «Дело», «Русский курьер», «Отечественные записки», были закрыты. В то же время некоторые авторитетные издания консервативного направления получили право выходить без предварительной цензуры.

Не оставила цензура без внимания и публичные библиотеки и общественные читальни: прошедшая в 1884 году ревизия библиотек сочла недопустимым наличие в их фондах 133 названий книг и периодических изданий. Тем не менее, несмотря на строгости цензуры, к концу царствования Александра III в России выходило около 400 периодических изданий, из которых четверть составляли газеты. Значительно выросло число научных и специальных журналов, достигнув 804 наименований.

Для нового правительства другим важным направлением борьбы с нигилизмом стало наведение порядка среди студенчества. Именно в этой социальной среде Александр III и его ближайшие сподвижники видели источник наиболее стойкой и сплоченной оппозиции правительству; именно в университетах и академиях революционеры на протяжении многих лет с успехом рекрутировали наиболее отчаянных террористов. Для искоренения подобного положения было необходимо принимать радикальные меры. В ход пошли «лекарства», приготовленные по рецептам известного своей строгостью «доктора» – министра внутренних дел графа Д. А. Толстого. Его «медицинские» методы были хорошо известны: «лечение» должно быть скорым, неотложным, эффективным. Заняв в 1882 году пост министра внутренних дел, он принялся наводить порядок в своей прежней вотчине – Министерстве народного просвещения. Толстой считал, что высшая школа должна служить интересам государства и готовить

---

²² Нельзя не согласиться с мнением современного историка доктора исторических наук В. А. Твардовской: «Как и всякий народ, русский был консервативен в своей основе: тяготел к прочности, устойчивости бытия, соблюдал обычаи, чтит традиции. Такой традицией, уходящей вглубь истории, была царская власть, воспринимавшаяся в народе как некая изначальная и неотъемлемая принадлежность действительности, почти как явление природы» (Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 307).

²³ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 127.

профессиональных чиновников, научные кадры, лояльную правительству интеллигенцию, а не служить кузницей по ковке бойцов подпольной террористической армии.

Вызывало у Александра III недовольство и состояние судебной власти. Слишком многое здесь казалось ему не свойственным русским традициям, привнесенным в Россию из Европы. Принципы несменяемости и независимости судей, институт присяжных поверенных – все эти новшества, как результат судебной реформы отца, по мнению Александра III, были чужды русскому человеку, не соответствовали национальному характеру. Стремясь исправить ситуацию, Александр III на протяжении ряда лет принимал указы, призванные привести органы судопроизводства в строгое соответствие с действиями государственного аппарата, контролируемого верховной властью. Учрежденное в 1885 году Высшее дисциплинарное присутствие, в состав которого входили сенаторы, получило право сменять судей; в 1887 году последовали указы, ограничивающие гласность и публичность судопроизводства, вводя в практику закрытые слушания дел. Постепенно снижалась и роль суда присяжных заседателей: к 1886 году дела политического характера были окончательно изъяты из их ведения. Закон от 7 июля 1889 года еще более сузил компетенцию судов присяжных заседателей, для которых, помимо всего прочего, значительно повышался имущественный ценз. Ряд постановлений и циркуляров последовательно повышал уровень надзора министра юстиции за судами. Несмотря на строгость существовавшего порядка и введение карательных мер при Александре III, с 1881 по 1890 год по политическим делам было вынесено всего 74 смертных приговора, из которых только 17 было приведено в исполнение, а на каторжные работы было направлено 106 человек²⁴.

Открытый отказ от политики реформ отца произошел в 1886 году, когда правительство Александра III приняло решение не праздновать 25-ю годовщину освобождения крестьян, чтобы в обществе не возникало ненужных иллюзий о возможности новых преобразований.

---

²⁴ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 3. С. 129.

Акт 3. «У России только два верных союзника...»

«Пока русский царь удит рыбу, Европа может подождать» – в этой растражированной, весьма недипломатичной фразе Александра III заключался главный смысл его новой внешней политики. Горький опыт отечественной истории свидетельствовал о том, что всякий раз, когда Россия принимала участие в борьбе коалиций, ей очень скоро приходилось горько об этом сожалеть. В разные годы французы, англичане, немцы, австрийцы делали Россию, русскую армию орудием для достижения своих собственных целей. Александр III часто повторял свой излюбленный политический тезис о том, что у России во всем свете есть только два верных союзника – русская армия и флот. Все остальные союзники при первой же возможности предадут. Однако, несмотря на столь категоричное утверждение, император прекрасно умел лавировать среди сложнейших дипломатических рифов, ведя корабль русской дипломатии по единственно верному курсу. Европа считала русского царя главным авторитетом и арбитром в споре мировых лидеров той эпохи.

В целом военная доктрина в эпоху царствования Александра III носила оборонительный характер. Основные ее пункты предусматривали повышение боевой готовности армии путем увеличения количества воинских частей; сокращение срока военной службы с шести до пяти лет, что позволяло увеличить численность обученного военному делу мужского населения страны; модернизацию военно-технического арсенала; усиление пограничных округов и крепостей вдоль западных границ России; улучшение профессиональной подготовки офицерского корпуса. Интенсивная реорганизация армии продолжалась все годы царствования Александра III. Численность армии к концу его правления достигала почти миллиона человек.

Характерен случай, происшедший однажды во время приема в Зимнем дворце: сидя за столом напротив Александра III, австрийский посол в связи с очередным обострением балканского вопроса намекнул на возможность мобилизации Австрией двух или трех армейских корпусов. Не изменяя своего привычного полунасмешливого выражения лица, русский император взял вилку, согнул ее петлей и бросил к прибору австрийского дипломата. «Вот что я сделаю с вашими тремя мобилизованными корпусами», – спокойно произнес Александр III²⁵.

Модернизация вооружения, судостроительный бум 1880–1890-х годов, техническое перевооружение армии, возросшие потребности в качественной стали, необходимость создания разветвленной железнодорожной сети неизбежно вели к быстрой милитаризации всей экономики России, способствовали интенсивному росту отечественной тяжелой промышленности, металлургических и судостроительных заводов, созданию новых предприятий, фабрик, шахт. Большинство новых предприятий использовали передовые технологии, на них внедрялись новейшие организационные формы крупного капиталистического производства, приносившие при дешевой рабочей силе сверхвысокие доходы. Русские промышленные акции высоко котировались на мировых биржах. Особенно впечатляющими оказались результаты, достигнутые в горнодобывающей и металлургической промышленности. Так, выплавка стали за тринадцать лет увеличилась на 159 %, добыча угля – на 110 %, нефти – на 1468 %²⁶. Растущие заводы и фабрики ежегодно требовали нового пополнения квалифицированных рабочих, подготовленного инженерно-технического персонала. Наличие свободных рабочих мест в промышленности вызывало интенсивную миграцию сельского населения в города – вчерашний крестьянин, батрак становился заводским рабочим.

Английский экономист П. Гэтрелл, подводя итоги экономической политики Александра III, писал: «Соблазн описать дореволюционную Россию как экономически отсталую велик, но

---

²⁵ Александр Михайлович, великий князь... С. 56.

²⁶ Император Александр III. СПб., 1894. С. 90.

это то искушение, которому должно сопротивляться... Высокоразвитые формы капиталистической организации в промышленности и сельском хозяйстве были совершенно очевидны в виде конгломератов с высокой степенью разделения труда»²⁷. Последовательная протекционистская политика Александра III, мощные государственные и частные инвестиции в промышленность, строительство железных дорог, портов привели к разительным изменениям аграрной России.

«Лапотная» Русь вышла на четвертое место в мире по выплавке чугуна и на пятое – по производству стали.

Финансовая политика Александра III привела к тому, что бюджет России вырос почти в 9 раз, в то время как бюджет Англии в тот же период увеличился лишь в 2,5 раза, а Франции – в 2,6 раза. За эти годы золотой запас России увеличился с 292,1 млрд руб. в 1881 году до 649,5 млрд руб. к концу царствования²⁸. Экономические преобразования Александра III дали эффективные результаты: в 1893 году государственные доходы превысили расходы почти на 100 млн руб.²⁹ Русский рубль стал твердой международной валютой. Состояние экономики не замедлило сказаться на благосостоянии народа. Об этом можно судить по размерам частных вкладов в государственные сберегательные кассы, которые за тринадцать лет увеличились в 33 раза.

---

²⁷ Цит. по: *Поткин И. П.* Индустриальное развитие дореволюционной России. М., 1994. С. 116.

²⁸ Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. 54. С. 196–197.

²⁹ Император Александр III. С. 91.

Акт 4. Кто против...

Александр III считал себя коренным русским, подчеркивая это манерой одеваться, говорить, истинной религиозностью. Для него православная вера была основой жизни, морали, основанием абсолютного самодержавия – «помазанник Божий на Руси». Кто против этой аксиомы – тот враг, личный и государственный.

Одним из основополагающих принципов русского самодержавия изначально являлось то обстоятельство, что православный царь неизменно должен оставаться выше всех конфессиональных, национальных и сословных интересов своих подданных. По данным переписи 1897 года, русские составляли около 72,5 % населения (более 86 млн человек). Из них православных насчитывалось 69,5 %³⁰. Следует учитывать тот несомненный исторический факт, что сама по себе национальность, как этнографическая, племенная характеристика, никогда не служила определяющим фактором государственной национальной политики, и, конечно же, принадлежность к великороссам, с позиции правительства, не несла в себе никаких гарантий в плане политической лояльности конкретного человека. Русские революционеры Ульяновы, Халтурин, Перовская были в глазах властей очевидными врагами всего русского, тогда как армянин Лорис-Меликов был вторым лицом в государстве после Александра II, а сын крещеного еврея государственный секретарь и член Государственного совета Е. А. Перетц принимал участие в разработке важнейших политических решений.

Суровыми мерами правительству Александра III удалось навести порядок внутри государства: революционные партии и группировки или были уничтожены, или оказались вынуждены скрываться в глубоком подполье. Часть революционных активистов покинула Россию, предпочитая каторге уютные парижские кафе, где можно было в комфорте и безопасности предаваться мыслям о «светлом будущем» русского народа. «Реакция придавила всех, – писал публицист, народоволец В. Л. Бурцев. – Не было ни активной революционной борьбы, ни каких-либо серьезных общественных выступлений. Наступило время маленьких дел»³¹. Сходное мнение высказывал марксист Г. В. Плеханов: «Революционная молодежь находилась на распутье и вырабатывала программы»³².

«Главный дирижер» Российской империи был строг. Его «оркестр» должен был быть слаженным механизмом и вовремя брать «правильные ноты», чтобы не допустить никакой «какофонии» в стране – крамолы, которая может расшатать «дирижерский подиум». Однако он никак не мог предвидеть, что результаты жесткого «дирижерства» внесут печальный вклад в трагическое царствование его сына императора Николая II.

---

³⁰ Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1904. Т. 16. С. 457–458.

³¹ Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. М., 1989. С. 24.

³² Первое марта 1887 года. М.; Л., 1927. С. 5.

Акт 5. «Главный дирижер». Штрихи к портрету

Сохранилось много воспоминаний современников о личности Александра III. Он вызывал симпатию или антипатию, но мало кого оставлял равнодушным. Тонкий наблюдатель и психолог, юрист А. Ф. Кони так вспоминал свою беседу с царем: «Александр III, подпирая по временам голову рукою, не сводил с меня глаз... В этих глазах, глубоких и почти трогательных, светилась душа, испуганная в своем доверии к людям и беспомощная против лжи, к коей сама была неспособна. Они произвели на меня глубокое впечатление. Если Александр III так смотрел в лицо своим министрам при их докладах, то мне становится просто непонятным, как могли некоторые из них, нередко совершенно сознательно, вводить его в заблуждение... Вся его фигура, с немного наклоненной на бок головою, со лбом, покрытым глубокими морщинами – следом тяжелых дум и горьких разочарований, – вызывала в душе, прежде всего, чувство искренней жалости к человеку, поднявшему на плечи „бремена неудобноносимые“. От него – самодержца и повелителя всея Руси, могущего одним почерком пера перевернуть весь наш гражданский и политический быт, одним мановением руки двинуть несметные полчища против действительных или предполагаемых врагов, – веяло такой беспомощностью по отношению к обману и лукавству окружающих, что солгать ему казалось мне равносильным нанесению удара дряхлому старику или малому, слабому ребенку»³³. «Государь не любил много говорить: у него было природное отвращение ко всему рекламному, ко всякому афишированию. Но внутри у него крепко сидело убеждение, и сдвинуть его с точки было очень трудно», – писал художник А. Прахов³⁴.

В своих резолюциях, сделанных на полях документов, рапортов и писем, Александр часто бывал резок и даже груб. Он не заботился об утонченных выражениях, читая отчеты о пожарах, неурожае, катастрофах. «Неутешительно» – царская помета, касающаяся прискорбного события. Довольно резко звучит августейшая оценка некоторых губернаторов или чиновников: «экое стадо свиней» или «экая скотина»³⁵. Отвечая на советы тещи – датской королевы, – как надо править Россией, Александр достаточно нелицеприятно обрывает ее: «Я, природный русский, в высшей степени нахожу трудной задачу управлять моим народом из Гатчины, которая, как вам известно, находится в России, а вы, иностранка, воображаете, что можно успешно управлять из Копенгагена»³⁶. Нередко его прямота воспринималась окружающими как грубость, дурные манеры. Граф С. Д. Шереметев писал об этой черте характера Александра III: «Вообще, он не стеснялся и выражался определенно, метко, своеобразно, не стесняясь чьим-либо присутствием. Крепкое словцо было присуще его натуре, и это опять русская черта, но в словах не было озлобления. Это была потребность отвести душу и ругнуть иной раз сплеча, не изменяя своему добродушию. Иногда за столом и при свидетелях говорил он, не стесняясь, прямо набело, и когда уж очень становилось неловко от его слов, „она“ [Мария Федоровна] полушутя бывало обращалась ко мне и говорила: „Vite racontez moi quelque chose!“³⁷, или „Ce n'ai rien entendu, n'est ce pas nous n'avons rien entendu?“³⁸ А в сущности, нисколько этим не стеснялась и всегда сочувствовала ему. И это было особенно в ней привлекательно»³⁹.

---

³³ Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1966. Т. 1. С. 451.

³⁴ Прахов А. В. Император Александр III как деятель русского художественного просвещения. СПб., 1903. С. 146.

³⁵ Голос минувшего. 1917. № 5. С. 87.

³⁶ Голос минувшего. 1917. № 5. С. 93.

³⁷ «Быстро мне переведите!» (фр.)

³⁸ «Мы ничего не слышали, не правда ли, мы ничего не слышали?» (фр.)

³⁹ Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 465.

Императрица Мария Федоровна умело компенсировала недостатки характера мужа. У нее был необыкновенный магнетизм: своей сердечностью и доброжелательностью она вызывала любовь как в народе, так и в аристократическом обществе. Царская чета являла нации пример идеальной счастливой семьи. Для Александра III любимая жена стала той родственной душой, которой ему так недоставало после смерти старшего брата и матери. Она ему отвечала любовью и нежностью. «Мой котенок» – так маленькая хрупкая «душка Минни» ласково называла своего большого и грузного мужа, который весил более 100 кг при росте 192 сантиметра.

Мария Федоровна любила придворную жизнь, балы, которые с трудом терпел ее венценосный супруг, всячески поощряла его увлечение театром и живописью. Надо отметить, что Александр с молодости был страстным поклонником искусства Мельпомены. Из личной статистики семьи цесаревича: за один театральный сезон «посетили театр – 34 раза. Из них: итальянскую оперу – 9 раз, балет – 1, русскую оперу – 2, французский театр – 16, русский театр – 4, цирк – 2»⁴⁰. Речь шла о театральном сезоне 1875/76 года, когда времени на посещение театров было гораздо больше; однако и после вступления на престол Александр III всегда старался найти несколько часов для посещения любимых театров, поменяв акценты с итальянской и французской музыки на русскую.

Став царем, он увеличил субсидии императорским театрам, не пропускал ни одной премьеры, часто сам вмешивался в их репертуар. Почти еженедельно царская чета посещала театр или оперу. Из русских композиторов самый любимый – П. И. Чайковский, который был лично предан Александру III. В 1883 году композитор написал марш и кантату, исполнявшиеся в дни коронационных торжеств, за что был щедро одарен императором перстнем с большим бриллиантом стоимостью 1500 руб. В знак преклонения перед музыкой великого композитора в 1888 году ему была дарована пожизненная пенсия в 3000 руб.⁴¹ Именно в этот исторический отрезок начали свою долгую службу на благо культуре России музыкальные шедевры П. И. Чайковского – оперы «Чародейка» (1887), «Пиковая дама» (1890), балеты «Спящая красавица» (1889) и «Щелкунчик» (1892).

В редкие часы досуга Александр любил читать художественную литературу, однако после того как он стал императором, времени на это оставалось все меньше и меньше. Круг его чтения сводился в основном к многочисленным государственным бумагам: журналам заседаний, докладом, запискам, так называемым мемориям, экстракту основных вопросов пространных документов.

Впервые Александр прочитал «Войну и мир» Л. Н. Толстого летом 1869 года. Потом, перечитывая страницы романа, император забывал об идеологических расхождениях с классиком; в тот момент их связывали обычные отношения гениального писателя и благодарного читателя. «Солдат всегда во всех творениях Толстого поразительно хорош», – говорил бывший командующий Руцукским отрядом. Император активно вмешался в конфликт Л. Н. Толстого с Синодом и официальной цензурой и разрешил включить «Крейцерову сонату» в издающееся полное собрание сочинений Толстого. Даже когда в 1892 году стали распространяться статьи Л. Н. Толстого, в которых он утверждал, что «правительство довело Россию до голода», Александр III лишь с огорчением сказал графине Александре Андреевне Толстой о ее родственнике: «Предал меня врагам моим». Министру внутренних дел Д. А. Толстому император строго приказал: «Прошу вас Толстого не трогать, я нисколько не намерен сделать из него мученика и обратить на себя всеобщее негодование»⁴².

И если у Александра III личного знакомства с Л. Н. Толстым так и не состоялось, то другой знаменитый писатель Ф. М. Достоевский незадолго до своей смерти был приглашен в

---

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 35.

⁴¹ Волков С. История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней. М., 2001. С. 110.

⁴² Цит. по: Бирюков П. И. Л. Н. Толстой. Биография: в 3 т. Берлин, 1921. Т. 3. С. 253–254.

Аничков дворец и познакомился с семьей цесаревича. Александр с большим интересом прочитал роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» еще в конце 1860-х годов. Книга не оставила его равнодушным. Организатором встречи наследника Александра Александровича с Ф. М. Достоевским был «душевно преданный» писателю К. П. Победоносцев. 16 декабря 1880 года Федор Михайлович побывал в Аничковом дворце. О подробностях встречи написала дочь писателя: «Его и ее высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу. Очень характерно, что Достоевский, который в этот период жизни был пылким монархистом, не хотел подчиняться этикету двора и вел себя во дворце, как он привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с цесаревной и ее супругом, покидал комнату так, как он это делал всегда, повернувшись спиной»⁴³.

Особую страсть Александр III испытывал к коллекционированию произведений изобразительного искусства. В молодости его художественный вкус не отличался особой изысканностью. Княжна М. Э. Мещерская в 1865 году при осмотре новых поступлений в коллекцию Эрмитажа корила наследника за непонимание и нелюбовь к работам Рафаэля и Леонардо да Винчи. Однако знакомство и долгая дружба с художником А. П. Боголюбовым, страсть к живописи Марии Федоровны постепенно увлекли Александра в мир прекрасного. Реалист по натуре, император любил портретную, пейзажную и батальную живопись. Основу коллекции картин составили произведения русских художников – от Д. Г. Левицкого и В. Л. Боровиковского до современных ему И. Н. Крамского и К. А. Савицкого. Собрание русских икон, принадлежавшее Александру III, считалось по тем временам одним из самых крупных в мире. Начало его собранию живописи положила картина «Итальянская девочка, черпающая воду», принадлежащая кисти И. П. Келера-Вилианди, которую молодой великий князь приобрел в 1864 году. Затем коллекция пополнилась жанровыми работами К. А. Трутовского, А. А. Попова, Н. Е. Сверчкова, морскими пейзажами И. К. Айвазовского. После смерти старшего брата Николая Александру по наследству перешло 19 картин, среди которых были авторское повторение «Тайной вечери» Н. Н. Ге, полотна А. П. Боголюбова и И. К. Айвазовского⁴⁴. Александр вместе с женой и детьми регулярно посещал художественные выставки, проходившие в Петербурге. Далеко не все приходилось ему по вкусу, и порой отзывы о художниках звучали довольно резко. «Читая каталог картинам Верещагина, а в особенности тексты к ним, я не могу скрыть, что было противно читать всегдашние его тенденциозности, противные национальному самолюбию, – писал император о цикле картин В. В. Верещагина, посвященных эпизодам Русско-турецкой войны. – Жаль, что это будут единственные картины в воспоминание славной войны 1877–1878 годов, и это все, что мы оставим нашему потомству»⁴⁵. Александр III очень ценил «Тайную вечерю» Николая Ге, но после долгого созерцания его картины «Что есть истина» с сомнением произнес: «Ну какой это Христос? Это какой-то больной Миклухо-Маклай!» Удивило государя и другое произведение Николая Ге – «Распятие», вызвавшее большие споры среди художников и любителей живописи: «Мы еще кое-как поймем это, но народ не оценит этого никогда. Это никогда не будет ему понятно»⁴⁶.

Некоторые события в жизни Александра были запечатлены выдающимися художниками. Во время Русско-турецкой войны его сопровождал В. Д. Polenov, оставивший большое число этюдов; коронацию запечатлел французский художник Ж. Беккер; кисти И. Е. Репина принадлежит монументальное полотно «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петров-

⁴³ Л. Ф. Достоевская об отце (Впервые переведенные главы воспоминаний) / публ. С. В. Белова; пер. с нем. Е. С. Кибардиной // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 307.

⁴⁴ Каталог картин, принадлежавших Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 1131. Опубликовано в кн.: Великий князь Александр Александрович. Российский архив. М., 2002. С. 602–636.

⁴⁵ Боголюбов А. П. Письма императора Александра III к А. П. Боголюбову. СПб., 1900. С. 13.

⁴⁶ Прахов А. В. Указ. соч. С. 152.

ского дворца в Москве». А. Н. Бенуа вспоминал о посещении Александром III художественных вернисажей: «Он становился тем любезным, внимательным, вовсе не суровым, а скорее благодушным человеком, каким знали Александра III его семья, ближайшие царедворцы и дворцовая прислуга. Поражала его чрезвычайная простота, абсолютная непринужденность, абсолютное отсутствие какой-либо „позы“ (позы властелина), чего нельзя было сказать ни про его брата Владимира, ни (в особенности) про недоступного, высокомерного великого князя Сергея Александровича. Случалось императору во время обозрения выставки и шутить или же он отвечал громким на весь зал хохотом на те остроты или маленькие потешные анекдоты, которыми его тешили наши специалисты по этой части... Характерно еще, что во время обхода выставки государь несколько раз подходил к жене, желая обратить ее внимание на то, что ему понравилось»⁴⁷.

Начиная с середины 1870-х годов Александр все больше начал интересоваться творчеством передвижников. Он считал, что «не должно ограничивать свои заботы одним Петербургом, гораздо больше следует заботиться о всей России: распространение искусства есть дело государственной важности»⁴⁸. Эту цель и поставили перед собой передвижники. Неудивительно, что Александр III решил воспользоваться их творчеством в интересах всего государства⁴⁹. Со временем передвижники стали для императора олицетворением современной национальной культуры. «Я всегда смотрел на „товарищество“ как на представителей передового русского искусства», – сформулировал Александр III свое отношение к передвижникам⁵⁰.

---

⁴⁷ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 694–695.

⁴⁸ Прахов А. В. Указ. соч. С. 149–150.

⁴⁹ «Понимая, что психология передвижников – это психология оппозиционеров, Александр III выбрал по отношению к ним самую разумную линию поведения. Не размениваясь на мелкие подачки, он не жалел средств на предоставление передвижникам крупных заказов общенационального значения и на покупку их наиболее выдающихся картин», – отмечает в своей работе современный искусствовед П. Климов (*Климов П. Ю. Александр III и русские художники // Император Александр III. Коллекционер и меценат. М., 2000. С. 22*).

⁵⁰ Прахов А. В. Указ. соч. С. 148.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.